

Картина мира

Глеб Шульпяков, Леон Цвасман
ПОЭТ И ФИЛОСОФ: ДИАЛОГ

Глеб Шульпяков, Леон Цвасман

ПОЭТ И ФИЛОСОФ. ДИАЛОГ

Леон Цвасман, боннский философ-генералист и университетский преподаватель, когда-то был моим сокурсником на журфаке МГУ. В начале 90-х он переехал в Германию, 20 лет мы не виделись. А потом встретились в Бонне. Из наших диалогов, которые мы словно возобновили после 20-летнего перерыва, и родилась идея блога «Poet und Philosoph: Dialog» (<https://www.facebook.com/PoetPhilosoph>), а потом и книги, которая готовится к изданию и фрагменты которой мы предлагаем вашему вниманию. Вот как сказано в предисловии к этой книге: «С одной стороны — “Поэт вдохновенный”, живущий образами, с другой — “пытливый Философ”, мыслящий понятиями. Поэт живет в России и романтизирует анализ, Философ обитает в Германии и симпатизирует целостному подходу. Поэт охотно путешествует, постигая разные социально-культурно-исторические общности, в частности — немецкую. Философ же, догадываясь об особенном русском пути, жаждет живого слова. Поэт уважает Логос, считает его своим кормильцем. Философ же Логос критикует, полагая его источником зла. Их беседа в реально-виртуальном модусе создает формат в духе времени, а именно: “Диалог Поэта и Философа”».

Глеб ШУЛЬПЯКОВ

1. ФУТБОЛ

{**Леон Цвасман. Философ**} В рейнских регионах Германии все праздники и народные гуляния проходят по принципу уличного карнавала — самого доминантного по размаху мероприятия. И ты вынужден или прыгать в него с головой, или просто уезжать из страны на эти пять дней. То же самое с чемпионатами по футболу. Люди всех возрастов переодеваются. Трико немецкой команды даже на младенцах, ты сам видел. Все на взводе, и не только болельщики. Но как мо-

жет внимание разных людей заикнуться на одной игре до такой степени? Почему миллионы людей поклоняются тем, кто не обладает ни даром мысли, ни даром слова? Тем, кто воплощает даже не здоровье, красоту, эротику или мудрость, а лишь филигранно отточенное мастерство и огромную волю к победе? Ну, может, еще коллектив играет роль. Как ты ощущаешь этот феномен в российском культурно-информационном пространстве? Как просто интересную игру? Мирную платформу для соревнования национальных идей? Экономическую модель постиндустриального общества? Апогей абсурда и массового психоза? Или просто часть странного Духа Времени?

{Глеб Шульпяков. Поэт} «Часть Странного Духа Времени»... «Я часть той силы, которая...» Да. Ты знаешь, несколько дней назад во франкфуртском магазине «Адидас» я стоял в очереди к принтеру, который печатает на футбольной майке имя любого игрока. Помимо туристов, кто, как я, делал майку для ребенка, в очереди было полно немецких девушек. Они называли имена любимых игроков с нескрываемым придыханием. Даже если они покупали футболку не себе, а своим молодым людям — значит, они хотели их такими видеть. Так что с эротикой и культом тела в футболе все в порядке, я думаю. Люди прилипают к экранам по другим причинам. Во-первых, футбол — это пиршество чистых эмоций, подавленных повседневной жизнью (особенно в Европе, где проявление эмоций не приветствуется). В отличие от России, кстати, где выплеск эмоций друг на друга происходит ежеминутно. Во-вторых, футбол представляется мне выражением того, в каком состоянии коллективное бессознательное нации. В каком оно тонусе. Начну огородами, с детских наблюдений. Мой семилетний ребенок для простоты запоминания все команды определял через национальные блюда. Мексиканцы были у него «буррито», итальянцы — «пицца», американцы — «бургер», бразильцы — «кофе», немцы — «сосиски» и т.д. А когда я спросил его о нашей команде, он ничего не придумал. И мне, честно говоря, тоже нечего было ему посоветовать. Что я хочу сказать? Любая команда становится командой, когда понимает, за что и против чего играет. То есть — «буррито» или «кофе»? «Сосиски» или «пицца»?

При советской власти футбол был на высоте, поскольку была «советская гордость», то есть сознание своей уникальности (что и было на самом деле). Играли, чтобы, грубо говоря, показать остальному

миру «кузькину мать». Это хоть и деструктивный, но мощный мотиватор. А теперь посмотри на нынешних. У них хорошие гонорары. У них самое большое количество болельщиков. У них лучшие наставники. У них слава. Единственное, чего у них нет — это игры. Мотива. То есть ни деньги, ни слава в качестве мотива не срабатывают. Мне вообще кажется, что русский человек ярче всего проявляет себя только в коллективной идее, ради массовой иллюзии. Такой иллюзией-идеей была при совке «кузькина мать». А теперь никаких идей нет вообще. Есть только тоска по идее, такие фантомные боли. Мы это видели в момент массового гипноза «крымнаш». Я думаю, наши люди лнут к футбольным экранам по той же причине. В надежде, что футбол явит им эту идею. Чего не происходит, естественно, поскольку сначала идея, потом футбол. Но мы здесь живем в перевернутом мире, так что... По правде говоря, я даже рад, что наша сборная вылетела с чемпионата мира-2014. Бессмысленно искать идею там, где ее нет. Так давайте отвлечемся от себя и посмотрим, как и за что играют и болеют другие. «Буррито» или «Сосиски»? Что ты скажешь про немцев?

{Философ} По моим наблюдениям, футбол здесь имеет то же значение, что и карнавал. Он реализует жажду событий и перевоплощения. О самой игре я беседовал с разными знакомыми. Не люблю группировать людей, но скажу, что это были не только фанаты игры и «обычные немцы», но и маргиналы — художники, профессора, даже бомжи. Некоторые охотно играют сами, хотя футбол здесь явно не массовый спорт, как в Бразилии. Это медийный феномен. Так вот, по моим наблюдениям всерьез от футбола как от образа жизни «фанатеют» только молодые мужчины «народного» склада. Громко, агрессивно, напористо. И их девушки тоже, чтобы не отличаться. Остальные или подключены к футболу через СМИ и «болеют» по инерции — так же, как негодуют по поводу «израильской агрессии», не вникая в смысл. Вникать в смысл у «нормальных людей» вообще не принято, пока не случается личный мотив. Тогда человек задумывается. Все остальное полностью принадлежит инерции. Те же, кто все же старается ответить на вопрос о смысле, видят его в красоте игры, ее стратегических глубинах, с видимым удовольствием идентифицируя себя со своей командой, но вряд ли с сосисками, которыми немцы гордятся только за границей, а у себя

пугают ксенофобов: типа, если бы не иностранцы, до сих пор бы сосиски с квашеной капустой ели. Из области еды гордятся лишь чистотой пива без химии и сотнями сортов отменного хлеба. Что же касается футбола, то радикально критичны (обычно это те же, которые уезжают от карнавала) лишь молодые анархисты и эзотерически настроенные маргиналы.

2. ИМЕНА

{Поэт} На Рейне есть крошечный средневековый городок «из табакерки» — Бахарак. Там я набрел на антикварную лавку. Среди разнообразного барахла в ней продавался рубанок. Хозяин сказал, что это рубанок местного плотника, который давно умер, Йозефа. Деревянный, отполированный руками рубанок. Я вспомнил, что в этой земле (и на Мозеле) очень много храмов, посвященных Святому Иосифу Плотнику. Кормильцу и Наставнику (земля-то ремесленников). В том, что *этот* (плотник тоже «Иосиф», мне привиделся некий смысл, и я даже купил рубанок. Или все это мои фантазии?

{Философ} Как представитель живого слова, ты в старом рубанке увидел магию, а в романтическом образе бывшего владельца — библейский персонаж. Поначалу я настроился на этот образ, но сразу представил себя в том магазинчике и вся убедительность красивого образа ушла в землю, засыпанную фабричным гравием со склада индустриальных отходов. То имя, которое кажется тебе культовым, на самом деле — просто одно из самых распространенных имен в своем поколении. Оно связано с духом времени того поколения. В Германии у каждого поколения есть свои имена. Сейчас, например, популярно имя Леон, в нем закодирована некая открытость на романский Юго-Запад с его культом хорошей еды и мягким климатом. Девушку лет двадцати нередко зовут Сара или Надя — это взгляд на восток Европы под влиянием «ветра перемен» начала 90-х. Мужчин под пятьдесят называют Дитер или Вальтер, а женщин — Эльке или Уши (свойское от Ульрика), это отголоски демократичного севера с его эмансипацией, эгалитаризмом и социальностью. В первом послевоенном поколении (тех, кто должен был разгрести разруху) мальчиков часто называли Карл-Хайнц или — в регионах южнее Кельна — Йозеф, имя, распространенное именно в католических семьях.

О реальном культе последнего мне мало известно, но могу себе представить, что весьма прагматичная католическая культура в соответствующих регионах Германии, особенно на Мозеле или в Эйфеле, подает христианского Иосифа как «нашего человека». Он мастеровой, а культ ремесленничества в Германии со средних веков чрезвычайно высок, по экономическим соображениям, это факт. Средний класс до сих пор верит в свою избранность, а на рекламных плакатах иногда появляется мотив ремесла типа: «Вначале были небо и земля. Остальное сделали мы». К тому же, новозаветный Иосиф — ответственный отец, а это уже реально воплощенный образ, продукт социальной инженерии. Все немецкие отцы одинаково много времени проводят с детьми, поучают их одинаковыми фразами, с одинаковыми манерами и даже в одинаковой одежде от Джека Вольфскина. Я не иронизирую, это на самом деле так. С прагматической точки зрения это изумительно. Но меня лично коробит эстетически, когда в такой степени клонируют людей по их социальной роли. Женщины среднего возраста при этом часто открыто безнравственны, невоспитанны, но это уже другой культ поколения — культ Пэппи Длинный Чулок. Теперь он отошел, и у девушек другие идеалы: от средневековой романтики до полного социального безразличия. Что касается католиков, а их здесь примерно половина, то они мне как люди всегда были понятнее, ближе к советскому воспитанию, что ли.

А вот вопрос к тебе... Почему в России, которая так ревностно ищет корни своей самобытности, не часто дают древнерусские имена?

{Поэт} Подчеркнуто древних имен у нас нет, никаких Гостомыслов или Изяславов, боже сохрани. Эти корни никому, кроме исследователей, не вняты. Ближе по времени тоже пусто. Но это не так важно, поскольку корней никто особенно не ищет. Советская власть их давно выкорчевала. А если найдешь корни, то что с ними делать? Когда вокруг тебя другая страна с другой «культурой» и «этикой»? Никто не рискует быть «белой вороной». Максимальная глубина прошлого у большинства — это советский период. Сережа, Алеша, Юра, Володя, Мария, Зинаида, Наталья — простые и ясные имена людей тех поколений. Героев той страны. Хотя чаще называют просто в честь предков, дедушек и бабушек. Это единственный корень, внятный обывателю. Если вникать в «корни» серьезно, становится просто страшно — насколько безвозвратно и жестоко они были

уничтожены. Хотя современное поколение детей мигрантов из Азии часто носит «окрашенные имена»: Айдар, Марат, Гюзаль. В этой среде есть тенденция сохранить если не уклад, то хотя бы традицию. Многие именуют, исходя из другой прагматики. Кто ориентируется на выход в мир, на открытость миру, выберет что-то интернациональное, Соня или Саша. Если нужно подчеркнуть «русскость» (но не «посконность») — выбирают Никиту или Анастасию. Моя добрая знакомая, которой безразличны религиозные и исторические искажения, вообще назвала дочку Ясной. Для нашего уха это звучит язычески, но слух не режет. Видимо, в этом и есть часть «странного духа времени», о котором мы говорили в предыдущем Диалоге — что языческое имя сегодня оказывается самым нейтральным. Кстати, одно из самых распространенных имен на Юге России, в Краснодарском крае — тоже языческое, Светлана.

3. ГЕРМАНИЯ

{Философ} Я давно заметил, что русские туристы охотно романтизируют Германию. И тебе это свойственно, причем не столько словом, сколько делом. Несмотря на то, что под завесой темных облаков холодно и сыро, природа пахнет лишь плесенью, при минимуме сервиса не дешево, к пиву не дают закусок, а русскую душу мало кто ценит, как и любую другую, — ты приезжаешь с заметной периодичностью. Почему?

{Поэт} Русскую душу мало кто ценит и здесь, в России. Но разве это важно? Душа не для этого, а с погодой нам не повезло гораздо больше. Смотри: мое отношение к Германии и вообще к чужим странам складывается, как у любого иностранца, из внешних ощущений. И первое, что я понимаю про себя в этой стране — что здесь я чувствую себя менее чужим, чем в других странах. Эта среда менее чужеродна мне. Почему? Давай сделаем предположение. У меня есть ощущение, что немцы внутренне чрезвычайно одержимые, эмоциональные люди. И мне это близко, русский человек такой же. В то же время я в восторге от немецкой «машинерии». От контроля над собственной одержимостью. Это то, чего мне не хватает дома — упорядоченности и самоконтроля. В России я ностальгирую по форме. Мне не хватает в ней завершенности. Стройка длинной в несколько веков (Кельнский собор) у нас попросту невозможна. Идем дальше.

Если поэт во мне считает, что «слышит» германского «шамана», который сидит в каждом немце, то как прозаик я полностью на стороне немецкого «орднунга». Упорядоченности над произволом. Внутри каждого прозаика должен сидеть немец, поскольку дело прозы — упорядочивать. Еще несколько предположений. В Германии меня устраивает баланс между национальным и мультиэтническим. Для человека из Москвы, где нет ни одного по-настоящему арабского или японского ресторана или магазина — это интересно и комфортно. Мне нравится, что немцы как люди — плохие артисты и то, что они говорят, означает именно то, что они говорят. Но в отличие от «артистов» (итальянцев, французов) немцы обладают способностью видеть «сны о чем-то большем». И в этом они снова похожи на русских. Еще — я вижу, что типологически некоторые большие города Германии похожи на Москву. И здесь, и здесь чудовищно большая доля современной застройки в центре города. По разным причинам (там война и бомбежки, тут советская власть). Опять же огромен «германский» след в русской литературе. Хотя спесь Набокова, который издевался над немецким бургером, смешна, он был барчук и не понимал, что такое культ ремесленничества, передаваемый из поколения в поколение. Мне по душе германская природа, в ней тоже есть баланс. Она не сентиментальна. В ней есть приподнятость, но нет подавляющего американского пафоса. Она не соразмерна человеку (как, например, природа Грузии) — а говорит о том, каким человек мог бы быть. Еще — в городах Германии меня подкупает невероятно насыщенная музейная и вообще культурная жизнь, это тот язык, который я понимаю без переводчика. При том, что Германия живет в постинтеллектуальном состоянии, когда коробку с 22-мя дисками Стравинского можно купить на уличном развале за 15 евро. Но в Москве такое просто невозможно. Ты снова скажешь, что все это мои романтические фантазии. Что свою Германию я просто выдумал. Скорее всего? Да. Но. Мое убеждение состоит именно в том, что только следуя за собственно выдумкой, за химерой, можно открыть что-то по-настоящему новое и важное — и в себе, и вокруг. Как ты считаешь?

{Философ} Как и Махатма Ганди, я не сомневаюсь в том, что твой дом — там, где твое сердце. Однако с «химерой» дела обстоят не так однозначно. Вчера, например, я был в гостях у одной пожилой

немки. Одна из комнат в ее доме была с любовью украшена наклеенными вручную картинками жуков-скарабеев. Оказалось, это комната покойной матери, которая была влюблена в Древний Египет, при том, что в современном Египте побывать так и не удосужилась. То же самое и со мной. Я никогда не был в Японии, хотя меня иногда посещает ностальгия по этой стране. При этом интуиция подсказывает мне, что в Японии лучше быть иностранцем (кстати, японцы не называют «чужаками» только немцев - при том, что в обоих языках «чужак» это совсем не лестное слово). Ничем не оправданная ностальгия находит на меня и по Исландии, и по Индии, где я тоже не был — но изучал Эдду и Веды, открыв для себя «что-то понастоящему новое и важное». Это похоже на твою «химеру»?

Что касается германской реальности, чтобы почувствовать все ее бездны, надо не только знать язык, но быть частью здешней Системы (о которой мы еще поговорим с тобой). Только тогда ты почувствуешь упадок культуры, который царит здесь. Этот упадок выражается не в том, что люмпены плюют и ругаются матом на улицах. А в том, что развитые, интеллигентные и глубокие люди все чаще становятся здесь жалкими маргиналами.

Но именно эта, маргинальная культура Германии воистину прекрасна. Ради не стоит жить здесь. Все эти «непророки» в своем отечестве — антропософы, анархисты. Просто не желающие быть признанными талантливые люди. Вечные студенты, бывшие профессора, дворянские дети и вундеркинды, и гениальные иностранцы смешанного до запутанности происхождения. Поэты, музыканты, режиссеры, киношники. Иностранцы в своем отечестве. Их много и у вас, я уверен. Но в отличие от России, в Германии маргиналы не стремятся стать элитой или мейнстримом. Это просто люди с собственным форматом. Те, кто сохранил себя и свою личность вопреки уничтоженной «Третьим Рейхом» культуре смысла и изощренному (само)отуплению последующих поколений. Кстати, в этом я тоже вижу проявление германского «шаманизма» — в одержимости поиском своего, а не навязанного извне, смысла.

Вот в твоём давнем романе Турция — удивительная страна, а турки интересные и многоплановые люди. Но в Германии их, как и других «иностранцев», часто называют мерзким словом «ауслендер». Германия вообще кастовое общество. Вот ты — знал, что здесь целых четыре уровня образования и как минимум три разновидно-

сти школ? И что 30% людей, закончивших только низшие уровни, никогда не смогут сделать карьеру? Я видел, как тебя удивило, что официант в кафе отказался положить в стакан с водой вторую дольку лимона — как ты попросил его. А это не только плохой немецкий сервис. Это принцип. Человек не может желать того, что нельзя стандартизировать. Это желание «асоциально» (тут это настоящее ругательство, сокращенно «ази»).

А если совсем серьезно (смотрит вдаль, морща лоб) — то я догадываюсь, что ты хочешь сказать своей «химерой». Так ты называешь прототип «земли обетованной» в душе каждого. Она не в Германии, она в тебе. Но просыпается и расцветает именно здесь, на этой земле. И в этом смысле ты счастливчик. А мне остается лишь написать роман в жанре «утопического фэнтэзи». На немецком, разумеется (мрачно усмехается)

4. КУХНЯ.

{Поэт} Одна из вещей, которая меня поразила в Германии — то, что при изысканнейших винах, особенно белых мозельских, в кухне Германия остается страной довольно простой, если не сказать брутальной. То есть наличествует некое явное противоречие. Как ты мог бы объяснить это? Что такое вообще «немецкая кухня»?

{Философ} Спроси пьяницу: «Зачем ты пьешь?» — и один ответит «для настроения», а другой — что ему «нравится вкус вина». Похожая ситуация и с едой. Начну издалека. Считается, что к еде у человека существует три исторически сложившихся подхода. Это кумулятивный, коммуникативный и природный. Первый подход — это чистая прагматика, его расцвет в Европе приходится на эпоху после инквизиции, когда собирательство с его культурой «целебных трав и кореньев» и прочего «ведьминского» травоведения окончательно кануло в Лету. Причиной тому послужил культ оседлости и массовые эпидемии чумы и холеры в перенаселенных средневековых городах. Они способствовали победе негласного лозунга «питаться так, чтобы выжить». То есть еда должна была стать прежде всего энергоносителем и не должна была быстро портиться. Пища стала «аккумулятором», ее главный смысл теперь заключался в сохранении и накоплении энергии. Умение консервировать стало главным двигателем семейного уклада — и женского труда, в частности. Кол-

басы, соленья и варенья, маринады, вино и пиво вместо «опасной» воды — господствовали. Далее. Второй подход. Он гедонистичен и романтизирует вкус как удовольствие, о котором можно говорить. Событийность он делает основным стимулом питания. И третий тип, он же самый древний, который назвать сложнее, поскольку в Логосе технократической цивилизации отсутствуют понятия из этой сферы; эзотерики называют его «целебным питанием», он же «природный». Это возврат к тем временам, когда человек ориентировался прежде всего на целебность даров природы. Римское владычество, а потом инквизиция и Третий рейх уничтожили этот тип. Правда, через музыку, литературу и вообще благодаря «шаманской памяти» у немцев сформировалась ностальгия по этому типу, т.е. способность принять его. Она выразилась сначала в антропософии, а теперь и в современном культе «био-продуктов». Ему же косвенно способствовал и еврейский пуризм, то есть принцип очищения и разделения пищи. Современные приверженцы «биопитания» пытаются восстановить первичное многообразие всего, что растет на этой земле, т.е. разнообразие географическое, ибо что растет на Рейне, не растет на Мозеле, не говоря о далеких землях. Сегодня в специализированных ларьках ты найдешь и давно забытые виды зелени, и редкие корнеплоды. Но параллельно развивается и «южный», гедонистический подход к еде. Все началось с греческой кухни, после войны это был такой переходный вариант; по сути все еще прагматика, но уже с элементами «южного» гедонизма. Сегодня самые распространенные кухни рейнских городов — это французская, итальянская, а с недавнего времени и восточная (ливанская, турецкая), и кухня юго-восточной Азии: Таиланд, Вьетнам, Япония. Ты скажешь, что эти кухни тоже прагматика, но для меня они — маркетинг, т.е. упаковка коммуникативных потребностей в обертку событийности. В общем, с немецкой кухней ничего особенного не происходит. Когда-то на прославленных термальных курортах Баден-Бадена она впитывала в себя новое, учитывая вкусы отдыхающих соседей-иностранцев. Нынешние немцы жаждут событийности, а с ней и аутентичности, и экзотики. Открываются рестораны тибетские, эфиопские, вегетарианские, рестораны для сыроедов. Это и есть немецкая кухня сегодня. То же, что ты называешь немецкой кухней, лучше назвать традиционной кухней. На вывесках таких заведений в Германии будет написано: «гутбюргерлихе кюхе», что означает «хорошая бургерская».

В такие заведения кроме туристов ходят пожилые любители «нормального обращения», то есть без навязчиво-бессмысленного сервиса, а просто чтобы побыть среди себе подобных. Главный критерий вкуса в традиционной кухне — это «госпожа Хрустящсть» во всем ее многообразии. То есть без пива эта еда просто застрянет в горле, а с холодным пивом надолго заляжет в желудке. Третьего просто не дано. Ну, а мое любимое рейнское блюдо — это «зауербратен», то есть маринованная в кислом соусе говядина. А теперь вопрос к тебе. Многие местные немцы, да и вообще иностранцы, интересуясь русской кухней, часто путают ее с кавказской и среднеазиатской. Почему, как ты думаешь?

{Поэт} Первое, что бросится тебе в глаза, когда ты приедешь в Москву, будут рестораны и кафе кавказской и, в особенности, среднеазиатской кухни. А никакой не русской. Что объяснимо: основная масса мигрантов нового времени появилась в Москве именно оттуда. То есть именно рестораны этой кухни — а не японские или итальянские — наиболее аутентичны в России сегодня. Плов, лагман, кебаб, манты и т.д. Это то, что буквально вываливается на улицу, особенно летом. Это то, чем пахнет воздух. Это степь и Азия, которая сидит в душе каждого русского. Про собственно русскую кухню сказать мне особенно нечего, определить ее трудно — она, как и большинство вещей и явлений в России, состоит из переименованных и переименованных заимствований с востока Европы, центральной Азии и Китая. Но плясать надо, видимо, от русской печки. То, что пошло от горшка и ухвата. «Щи да каша — пища наша», буквально. Но. Если мне нужно показать иностранным гостям что-то, чего точно нет у них дома, я веду их туда, где подают настоящую водочную закуску. Как ни странно, для меня русская кухня — это водочный аперитив. То есть пара рюмок ледяной горькой под соленые огурцы, квашеную капусту, грибочки и копченую колбаску, а также селедочку с картошечкой, черный бородинский хлеб и — как венец всего — тихоокеанскую слабосоленую килечку. Сочетание, которое ты не найдешь больше нигде в мире. То есть водка — это закуски, без них она теряет всякий, кроме алкоголического, смысл. В Москве таких мест, где можно правильно выпить, то есть закусить водку, не много. Но они есть, по счастью. Приезжай.

5. ПРОФЕССИЯ

{Философ} Когда я жил в России, называться писателем имел право лишь член Союза писателей. В Германии у пишущего появляются шансы, если комиссия какого-нибудь уважаемого жюри номинировала его работу на какой-нибудь тематический конкурс. Как становятся писателем в России сегодня? Откуда берется современная литература?

{Поэт} Это может показаться тебе странным, но писателей в России с каждым днем становится все больше. Я это вдруг осознал, когда сел за ответ тебе. Раньше просто никогда не думал об этом. Откуда они берутся? Ну, во-первых, это частные или полугосударственные издательства. Они ищут, издают и продают «talанты», то есть формируют и удовлетворяют читательский запрос. Во-вторых, еще жив институт толстых литературных журналов. В-третьих, есть много негосударственных литературных премий, тоже каким-то боком подвигающих неизвестного автора поближе к читателю. Есть «ярмарка интернета», где показать себя может вообще каждый. Есть литература регионов (журналы, издательства). Есть учебные заведения, которые ежегодно выпускают дипломированных писателей и поэтов.

А теперь давай попробуем оценить все это разнообразие.

Показатель качества в «издательской литературе» один, это продажи. То есть всегда в проигрыше тот писатель, который не нашел моментального отклика в кошельках читателя. В литературных журналах, наоборот, нет ни продаж, ни тиражей. Но есть историческая глубина и традиция. Здесь царствует Редактор — со всеми, высокими и низкими, особенностями человеческой природы. Если автор каким-то «гоголевским» образом сумеет потешить амбиции Редактора, то ему будет хорошо. Нет — нет.

Премии — это деньги и моментальное внимание публики. Литература здесь отодвигается на второй план совершенно. Авторы, редакторы, жюри, номинаторы — каждый гарцует на собственном эго. Редко когда на уровне коротких списков можно увидеть объективную картину. Зато борьба иерархий очень хорошо прослеживается. Единственные рамки в этой борьбе — уже не литературные, а морально-этические. Но они, насколько я вижу, легко преодолеваются, стоит человеку попасть на высокие литературные подмости.

Литература интернета. Ее честность в том, что она осознает свою специфику и не лезет на чужое поле. Но если ты не один из них, читать это все равно что наблюдать за массовым гипнозом.

Литература регионов. В провинции плохо знают столичную литературу. Там мало книг. Там живут исключительно на государственный счет. Направление в литературе чаще всего охранительно-державный реализм или чистая, как слеза комсомолки, лирика. Интересна тем, как причудливо и упрямо соцреализм прорастает в XXI век.

Учебные заведения. Ты не поверишь, но в России по-прежнему существует институт, где учат быть писателем. Его основал Горький, чтобы поставлять государству воспевателей строя. Когда эта функция отошла к телевидению, изначальный смысл института пропал. Теперь тут преподают литературное мастерство. Это прекрасно, хотя, судя по моим редакторским наблюдениям, творчество почти всех выпускников этого института имеет одну родовую особенность: расхождение формы и содержания. Для литературы, как ты понимаешь, это фатально.

Так вот, все эти люди называются у нас ПИСАТЕЛЯМИ, а все, что они пишут — ЛИТЕРАТУРОЙ. Хорошо это или плохо? Наверное, хорошо. Пусть лучше пишут, чем грызут себе и соседям глотки. Но. Что меня поражает в писателях, особенно новых, так это даже не отсутствие внутренней свободы. Бог с ней, можно кое-как писать и без нее. А утрата внутреннего нравственного ориентира. Понимания той библейской грани, переходить которую невозможно, поскольку на той стороне не только писатель, но и человек — кончается, становится выродком. Давай попробую объяснить это живым примером. Здесь у нас есть один популярный писатель, в прошлом омоновец (это такие внутренние войска для «работы с населением»). Букет убеждений у этого писателя покажется тебе диким, но для конъюнктуры нашего времени он показательный. Великая Империя, товарищ Сталин, Украина никуда не денется, Запад зло, а литература соцреализма не хуже Шмелева или Бунина. Раньше он писал о нелегкой судьбе омоновца и, надо отдать ему должное, делал это ярко. А недавно выпустил исторический роман о лагерной жизни на Соловках. Материал подается сообразно его убеждениям, конечно. Парадокс, но роман громче других хвалят те, чьи духовные предки в этих самых лагерях когда-то сгинули. И кого охраняли духовные предки этого писателя

(стокгольмский синдром, что ли). А теперь скажи мне — вот ты, стал бы ты читать исторический роман человека с таким историческим мышлением? Может ли писатель вообще существовать, не имея базовых исторических, нравственных, вообще общечеловеческих ориентиров?

{Философ} Я бы прочел этот роман как произведение в жанре исторической фантастики. Кстати, модный в Германии жанр. Но вообще, если дело обстоит так, как ты говоришь, следует относиться к подобным сочинениям не как к литературе, а именно как к проявлению «странного духа времени», о котором мы говорили. К тому, с помощью чего можно понять то самое настроение в обществе, которое ты упомянул. Другое дело — настоящее писательство. Социальный заказ — недостаточный мотив, чтобы завести творческий двигатель, — для меня это так, по крайней мере. Даже если двигатель стоит на холостом ходу. Следует не забывать, что творческий стимул — это вовсе не раздутое эго. Это тот минимум личной ориентации в мире, который требуется человеку для самоопределения. Но свойство творческой энергии таково, что ее невозможно направить в специальное, полезное, например, русло. Поскольку любое творчество предполагает в первую очередь верность себе, а уж потом чему-то другому. Немецкие чиновники не берут взяток не потому, что они честны по определению. А потому, что никакая сумма не сможет компенсировать потерю будущей пенсии и жизненного покоя, если его поймают. Так же и русский писатель. Он не рассказчик, а инстанция смысла, этическая и духовная. То, чем для «образованного гражданина» Германии («бильдунгсбюргер») до недавнего времени был философ, для гопника — авторитет, а для тибетцев — Далай-лама. Каков дух группы, такова и ее инстанция смысла, я хочу сказать. Для русской интеллигенции писатель определяет мотивы истории только потому, что находится вне ее. Тем самым он замещает и философа, и чиновника. Это тот самый «комплекс», который не дает мне, воспитанному на русской классике, писать под социальный заказ даже на немецком. А это востребовано, ведь членов жюри местных литературных фондов особенно «заводят» романы на темы «социального заказа». Эмансипации девушек-подростков из среды турецких мигрантов, например. С другой стороны, в современной

Германии профессия писателя, как и любая другая, — это прежде всего ремесло, легитимность которого определяется доходом. Позволить себе писать без оглядки на какой бы то ни было заказ может только подросток или пенсионер. Во всех других случаях такое занятие считается асоциальным — до той поры, пока оно не приносит в казну подоходного налога.

